

Фреквентативность (многократность) в марийском и удмуртском языках

В финно-угорских языках существует богатая система (от)глагольных словообразовательных суффиксов, с помощью которых выражается способ протекания действия, т. н. Aktionsart. В советской финно-угристике эти суффиксы назывались суффиксами видового значения, хотя они не противопоставляются по аспектным значениям, по совершенности/несовершенности действия (ср. ОФУЯ, 1974: 359). Довольно широко распространен и термин “видовой класс”, предложенный Б. А. Серебренниковым (1960: 23–24). По этой концепции, например, в марийском языке видовой класс содержит в себе не только глаголы с многократными, мгновенными и т. д. суффиксами, но и спаренные глаголы с видовым значением. В западной финно-угристике принято разделять категории вида (аспекта) и способ протекания действия (Aktionsart).

Аспект – это по своему характеру бинарная категория, состоящая из видовых (имперфективных и перфективных) членов, которые являются в комплементарной дистрибуции. В настоящих “аспектовых” языках, как напр. в русском, вид – грамматическая категория и по своему характеру парадигматическое явление, т. е. оформление вида принадлежит к парадигме глагола и в этом смысле к грамматике, не к лексике. В русском языке вид показывает оппозицию между совершенностью и несовершенностью действия. В финно-угорских языках вид не развился в самостоятельную категорию глагола, он скрывается в семантике глагола и называется имплицитным аспектом глагола. Этот имплицитный, внутренний аспект часто обнаруживается именно в номинальных членах предложения: в выборе падежа имен существительных (ср. Kangasmaa-Minn 1984: 83; Lewandowski 1979: 67).

Aktionsart, в свою очередь, является семантической категорией, показывающей качество разных способов протекания действия. Конечно, аспект и Aktionsart многообразно обвили друг друга, например, в длительном Aktionsart содержится ингерентно и имперфективность, в моментальном – перфективность (Kangasmaa-Minn 1984: 83; Lewandowski 1979: 67).

Некоторые из фреквентативных (многократных) суффиксов можно считать общефинно-угорскими, напр. *j, *l и *ś (в удмурт-

ском *ś комбинирован с *k в суффиксе *śk*), и, судя по их современным значениям, в родственных языках они имели или могли иметь такие же функции уже в праязыке. Наверное, надо все-таки видеть словообразовательные суффиксы как модификаторы общего характера, приобретающие свою семантику и от значения корневого слова, и от контекста. Этим объясняется и тот факт, что те же исторические суффиксы использованы как в именном, так и в глагольном словообразовании. Общий модифицирующий характер суффиксов еще виден в тех языках, в том числе и в марийском, где один и тот же суффикс (напр. *л*) в одних глаголах передает значение мгновенности, а в других — многократности.

Фреквентативные (многократные) суффиксы глагола выражают в основном многократное действие, повторяющееся с казуальными интервалами. В марийском языке шесть в какой-то мере продуктивных фреквентативных суффиксов, отбор которых зависит от спряжения глагола. Выше уже указанный *л*-овый суффикс соединяется с глагольными основами обоих спряжений и образует из них глаголы первого спряжения, напр. *поктем* > *поктылем* 'гонять'. Пр. 1. *Пуш кыгыр-кагырым ыштылын, ушдымын писын савырнылеш.* 'Лодка, делая зигзаги, необычайно быстро поворачивается'. Этот суффикс употребляется тоже в моментальном значении. В случаях, где основной глагол имеет статичный, нединамический характер, суффикс, конечно, станет по значению континуативным. Также суффикс *-ед* соединяется с глагольными основами обоих спряжений; он образует из них глаголы второго (иногда и первого) спряжения, напр. *пум* > *пудем* 'дать'. Пр. 2. *Мыняр времам мланем алы капкам почедаш и чучедаш улы?* 'Как долго мне еще надо открывать и закрывать калитку?' Суффикс *-эшт/-шт* соединяется с глагольными основами обоих спряжений и образует из них глаголы первого спряжения, напр. *йодам* > *йодыштам* 'спрашивать'. Пр. 3. *Корно воктен шем тага кудалыштеш.* 'У дороги бегают черные бараны'. Заимствованный из тюркских языков суффикс *-кал* соединяется лишь с глагольными основами второго спряжения; также образованные им новые глаголы принадлежат ко второму спряжению, напр. *шонем* > *шонкалем* 'думать'. Пр. 4. *Вара ватыжлан каласкалаш тунгалеш.* 'Потом он начинает говорить своей жене'. Уже более редкие суффиксы *-кед* и *-ылт*, напр. *шутшам* > *шутшкедем* 'тянуть', *ончем* > *ончылтам* 'смотреть'. Кроме этих существуют и разные

сложные суффиксы, образованные из вышеуказанных элементов (ср. Учаев 1985: 61–62; Saarina 1987: 37–41).

В удмуртском языке самыми продуктивными многократными глагольными суффиксами являются *-ыл* в глаголах первого спряжения и *-ля* в глаголах второго спряжения, напр. *потыны* > *потылыны* 'выходить', *кораны* > *коралляны* 'рубить'. Они употребляются почти со всеми глаголами. Таким образом, они якобы принадлежат к парадигме глаголов. Пр. 5. *Шудыллыз баян, эктисъёс кузэн-кузэн бергаллязы*. 'Играл баян, кружились пары'. В некоторых глаголах встречаются и другие суффиксы с фреквентативным значением, в том числе *-а* и *-я*, которые обычно считаются дуративными (длительными) суффиксами, напр. *ишкыны* 'рвать' > *ишканы* ('в разных местах'). Также *-ськ*, являющийся возвратно-страдательным суффиксом, в некоторых контекстах может быть интерпретирован фреквентативным или дуративным (ср. ГСУЯ, 1962: 219–228; ОФУЯ, 1976: 182–183; Серебренников 1960: 135–137; 1963: 325; Kövesi 1965: 344).

Глаголы с фреквентативными суффиксами не показывают лишь на повторяемость действия. Они иногда имеют также второстепенное значение и выражают неопределенность и нерешительность действия. В марийском такое значение отмечено только при суффиксах *-эшт/-шт* и *-ылт*, напр. *йодыштам* 'выспрашиваю', *тошкылтам* 'ступаю нерешительно', но можно полагать, что такое значение существует тоже при других суффиксах в некоторых контекстах (Васильев 1948: 97–99). Такой сдвиг в семантике легко понять: если действие повторяется несколько раз или в нескольких местах, он не может очень интенсивным. Подобное развитие произошло в финском языке, где многократные суффиксы стали выражать, кроме повторяемости, и неопределенность, неважность действия, напр. *puhun* > *puhelen* 'говорить'. В финском это очень широко распространенное явление. По Емельянову (1927: 70–72), многократный глагол может выражать иногда медленное и недостаточно энергичное начало действия; он дает примеры, в которых суффиксом является *-ськ*: *kuliške* 'лежит при смерти', *кат'яське* 'начинает выздоравливать'.

При рассмотрении фреквентативности часто имеется в виду многократность самого действия. Однако, многим финно-угорским языкам, в том числе как марийскому, так и удмуртскому, типично, что фреквентативные суффиксы глагола указывают на

множественность субъекта или объекта, т. е. если объектов больше, чем один глагол стоит в многократном Aktionsart. Это один тип согласования между членами предложения в пермских и волжских языках, и некоторые реликты этого явления видны также в саамском языке. По Емельянову, “многократные глаголы иногда означают делимость действия а) между несколькими субъектами, б) между несколькими объектами” (1927: 72). Последнее, делимость действия между несколькими объектами, считалась и самостоятельной категорией, называющейся разбросанным или дистрибутивным видом. Пр. 6. Удм. *Соколовлы со трос юанъёс сётъяз*. ‘Соколову он задал много вопросов’ (ср. ОФУЯ, 1976: 183; Серебренников 1960: 137–138; Bartens 1981: 103–104).

Однако, вышеуказанное согласование не всегда видно на морфологическом уровне, наоборот, особенно в марийском языке множественность субъекта или объекта обнаруживается лишь с помощью фреквентативного суффикса, если подлежащее и дополнение за отсутствием морфемы множественности не различаются от соответствующих форм единственного числа. В таких случаях только многократный суффикс глагола указывает на множественность имен существительных. Пр. 7. *Чыве мунчылыт чылан*. ‘Курицы (букв. курица) все несут яйца’. Пр. 8. *Унам вучедем*. ‘Я жду гостей (букв. гостя)’. Большинство таких примеров найдено в диалектных или старых текстах. В последнее время под сильным влиянием русского языка стали чаще употреблять показатели множественного числа в номинальных членах предложения (Erdödi 1972: 72–79; Saarinen 1987: 41–42).

Как известно, именно согласование по числу между глаголом и субъектом влияло в удмуртском языке на образование форм второго и третьего лица множественного числа на *-ля* в неочевидном прошедшем времени. Употребление суффикса *-л* во втором и *-ськ* в обоих спряжениях в настоящем времени, в свою очередь, вызвано фреквентативной функцией этих суффиксов. Подобное явление (многократный суффикс как показатель настоящего времени) существует напр. в некоторых мансийских диалектах (ср. Серебренников 1963: 239, 264).

Удмуртским глаголам с фреквентативным суффиксом особенно свойственно выражение многократного действия, совершаемого постоянно, в силу известной привычки или свойств субъекта действия. Пр. 9. *Љукна вазь потазы, жьыт бер бертылызы, нуназе*

ӧжыт шутэтскылызы. 'Утром рано выходили, вечером поздно возвращались, днем немного отдыхали' (Серебренников 1960: 135). В марийском такая функция многократных суффиксов не развита, хотя в некоторых контекстах можно интерпретировать употребление суффикса соответствующим образом. В финском языке у фреквентативных суффиксов совсем нет такой функции.

Сравнивая употребление фреквентативных суффиксов в марийском и удмуртском языках, можно заметить, что сходств больше, чем различий. Это, конечно, само собой разумеется, так как речь идет о двух близкородственных и ареально тесных друг к другу языках, которые долго жили под влиянием тюркских языков (это влияние можно увидеть, например, в спаренных глаголах с видовым значением). В обоих языках основные функции фреквентативных суффиксов – выражение многократности действия или делимости действия между несколькими субъектами или объектами. Также нерешительность, неопределенность действия, т. е. второстепенное значение многократных суффиксов наблюдается в обоих языках, хотя оно не является тенденцией, распространившейся по всей системе, напр. в марийском оно встречается лишь при двух суффиксах. В удмуртском функция выражения обычного действия, совершаемого в силу привычки или свойств субъекта, еще расширяет сферу употребления фреквентативных суффиксов.

В марийском языке явно многократных суффиксов больше, но их соединение с глагольными основами часто ограничивается тем или другим спряжением. Большинство многократных суффиксов или малопродуктивно, или уже непродуктивно. Только *-л* является более продуктивным. В удмуртском языке универсальным показателем многократности является *-л* в глаголах первого спряжения и *-лля* в глаголах второго спряжения. Остальные суффиксы, раньше входящие в эту группу, имеют теперь совсем иные функции и выражают многократность только спорадически, реликтно. Выражение фреквентативности было одним из центральных явлений удмуртского глагола уже на более раннем историческом этапе развития языка; тогда *-л* и *-лля* превратились в показатели разных времен (настоящего и неочевидного прошедшего). Они и сейчас являются такими продуктивными, что в континууме, достигающем от грамматики до лексики, они уже приближаются к грамматике, хотя принадлежат еще к сфере лексики.

Библиографический список

Васильев В. М. Некоторые вопросы марийского языкознания. Козьмодемьянск, 1948.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Ленинград, 1927.

ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). Москва, 1974.

ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. Москва, 1976.

Серебрянников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. Москва, 1960.

Серебрянников Б. А. Историческая морфология пермских языков. Москва, 1963.

Учаев З. В. Марий йылме. Кокымшо ужаш. Йошкар-Ола 1985.

Bartens Raija. Suomalais-ugrilaisen kantarkielen muoto- ja lauserakenteesta // *Virittäjä*. 1981.

Erdőd Jozsef. A propos de la questions de la pluralite non-marquee de l'objet et du sujet dans quelques lanques ouraliennes // *Melandes offerts a Aurelien Sauvageot pour son soixante-quinzieme anniversaire*. Budapest 1972.

Kangasmaa-Minn Eeva. Tense, aspect and Aktionsarten in Finno-Ugric // *Aspect Bound*. Dordrecht, 1984.

Kövesi Magda A. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.

Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch 1. Heidelberg, 1979.

Saarinен Sirkka 1987: Über Bedeutung und Funktion der modifizierenden Verbalsuffixe im Tscheremissischen // *Papers on Derivation in Uralic*. Szegeder und Turkuer Beiträge zur uralischen Derivation. *Studia Uralo-Altaica* 28. Szeged.